

Баир Жамбалов

Шаг эволюции

12+

Баир Жамбалов

Шаг эволюции

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жамбалов Б. В.

Шаг эволюции / Б. В. Жамбалов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Из книги читатель узнает многое о теории, методике тренировок для развития силы, ловкости, выносливости. И также читатель вместе с героем почувствует экстремальную смертельную опасность для жизни, когда находишься под дулом пистолета, наведённого бандитом, и вместе с героем выйдет из этой ситуации, из этого экстрима победителем, применив феноменальность магии взгляда. Он прочитает и о такой непознанной таинственной стороне природы, именуемой как "глаз змеи". И также читатель узнает о необыкновенном эксперименте над человеком, когда невероятным образом повышается выносливость организма.

1

Саванна. Посреди обильных трав и редких деревьев мирно пасётся стадо газелей Томсона. Полудённое солнце палит нещадно. Тишина. Ничто не нарушает её. В блаженном спокойствии пощипывают траву газели Томсона и набираются сил. Весело, познавая этот мир, играет юная поросль. Идиллия тихой саванны. Ничто не нарушает её.

Пара глаз впиалась взглядом в этот мир тишины и спокойствия. Пара глаз неустанно следит за движением каждой газели. Этот мир тишины и блаженства относителен, как всё относительно в этом мире.

Тихое мгновение застывшего ожидания. Кто же из них? Кого же из них? Итак, изо дня в день, из года в год. Тысячи и тысячи лет. Кто же станет самым удобным и доступным. Он бесшумно, скользкой тенью крадёт к добыче. Все они перед его глазами, такие сочные, налитые, вкусные. Жаль, что не идут сами к нему. Но его природа наделила особым, особенным даром. Ему в этом даре нет равных на всём пространстве планеты. Он – гепард, и этим всё сказано.

А вот и юная газель немного оторвалась от всех, скученно пасущихся в обильной саванне. Любопытство в постижении мира? И взгляд мгновенно устремился на неё. Крадучись так, что не шелохнётся трава и не издаст ни единого звука, приближается он аккуратно и осторожно к своей пище. Пища его пуглива и в любую минуту заметит опасность. И тогда включай свой природный дар.

Ох! Так оно и есть. Вздёрнулись вверх уши газели, наострились, а затем, развернувшись резко, помчалась она к своим. Что её скорость по сравнению с тем, что сделает он? Начальный прыжок в воздух. Приземление и мгновенный толчок передними лапами. Всё. Понеслось. Он – бегун. Он – спринтер! Он – чемпион планеты! Его эволюция ради этого отказалась от такой гордости рода кошачьих, как длинные когти. Он не может лазать по деревьям как пантера и затаскивать туда свою добычу. За миллионы лет его длинные когти превратились в короткие шипы, в природные шиповки. Они сцепляются с землёй, и его упругие ноги толкают его тело, тело без единого грамма жира, вперёд. Даже гиены – чемпионы планеты по коллективной охоте, постоянные в движении, и то имеют кое-какие излишки жира на чёрный день. У него даже этого нет. Бег, спринтерский бег – залог успеха его охоты. У него не должно быть полосы чёрных дней. Добыв пищу, он должен быстро съесть её, а если самка, то унести ещё и детёнышам. Он не может лазать по деревьям и хранить там еду про запас. Даже когда любой хищник крупнее его, или эти же шакалы и гиены – приверженцы коллективизма покусятся на его пищу, он должен оставить её, уступить и уйти. Он не имеет права получить травму. Травма – это крест на его биографии, что длиной в 14 лет, если повезёт всегда.

Всё. Понеслось. Ни во времена динозавров, ни после, ни сейчас никто на планете не стартовал так неистово стремительно и так быстро стремительно бежал как он и его род. Первые пять метров он составит конкуренцию любому болиду этого зазнавшегося двуногого человека.

Всё. Он бежит. Его прыжковый бег галопом достиг 110 километров в час. Жаркий ветер саванн засвистел в ушах. Встрепенулось стадо. Редкие деревья и рассыпающиеся в разные стороны газели превратились в мелькающие точки. Пред ним только одна цель, одна жертва, одна пища в виде обречённой газели, чьи ноги также взяли галоп. Куда там. Жертва наберёт самое большее 70 километров в час. А его же бег, бег спринтера, бег галопом использует в данный момент как можно больший эффект рекуперации мышц.

Бег косули, бег газели Томсона. Красота, изящность, короткий парящий полёт грации, одарённой природой. Даже самый красивый бег этого зазнавшегося двуногого человека выглядит бледной тенью. И в минуту опасности эта грация не покидает газель. К чёрту эту красоту. Лучше бы сейчас ноги мелькали как спицы велосипеда на треке. Но она не может так. Эта грация становится её врагом. Она – газель по природе средневик, и даже стайер, как этот конь –

верный друг этого зазнавшегося двуного человека. Маневрирование и только маневрирование спасёт её. Что она и делает. Бег по прямой – это верная смерть, и тогда станешь пищей этой бешеной ракеты. Этот неудержимо быстрый зверь в невероятно быстром прыжке воткнёт острые клыки в шею и повалит, и начнёт медленно душить, впившись в горло, и тонкими струйками потечёт кровь из под его клыков, и силы покинут некогда цветущей организм. Сколько раз видела, как он, этот зверь, расправлялся с её братьями и сёстрами, а она испуганно, прижавшись к стаду, убегала со всеми прочь.

Еда рядом. Она часто дышит. Сегодня волей судьбы он выбрал её. Как взъерошилось, встрепенулось некогда мирно пасущееся стадо. Но он не видит их, ему не до них. Он вихрем урагана мчится только за одной, сегодня уготованной ему в пищу. Двадцать прыжков, тридцать, сорок. И вот решающий бросок в прыжке. Но в последние доли секунды жертва успевает ускользнуть вбок, и он обрушивается в образовавшуюся пустоту. Стремительным взглядом замечает, как жертва, его еда, полная страха и надежды, прыжками полной грации отдаляется от него. Он вложил всю силу в этот рывок так, что выложился из всех сил. А встрепенувшееся стадо убегает и убегает прочь. Сегодня он остался без пищи, может, завтра улыбнётся удача.

Раймон Анри нажал на «стоп». Застыл тяжело дышавший гепард, застыла удаляющаяся в грациозном прыжке газель. Кажется, облегчённо вздохнули Жан Копа, один из руководителей концерна, и Отто Майер, которого он специально пригласил на этот просмотр, и не только. Видимо, они болели за газель, что явно читалось на их лицах. Ну, да ладно. Пора обоим, особенно Майера, вводить в курс дела, к чему и приступил он, Раймон Анри, руководитель и идейный вдохновитель данного проекта:

– Вот перед вами была обыкновенная охота обыкновенного гепарда на обыкновенную газель Томсона. Такое часто показывают в различных передачах про мир животных. Итак, перед нами гепард. Спринтер, чемпион планеты! Скоростной спринтерский бег – это его главный козырь для успешной охоты. Во время погони за добычей он развил мощностные в две лошадиные силы. Сейчас мы были свидетелями его неудачи. В целом же удачной бывает примерно половина всех его охот. У льва успешной бывает одна из десяти. Так что результативность у гепарда в пять раз выше. Это у гиен, шакалов, непревзойдённых мастеров коллективной охоты, стопроцентная результативность. Гепард – охотник-одиночка. За три-четыре секунды он развивает скорость до девяносто километров в час. Его максимальная скорость примерно 110 километров в час. Его жертвы, та же газель Томсона, бегут не больше 70 километров в час. А вот теперь посмотрите на гепарда, на его состояние в данный момент. На этот раз он провалился. Мускулы потеряли быструю эластичность. Мышцы израсходовали столько кислорода, что сердце и лёгкие с большим трудом восполняют его. Молочная кислота – лактоза сковала мышцы ног. Газели, как и все парнокопытные, – средневики и стайеры. Даже находясь в смертельной опасности, газель не утратила своей прежней грациозности бега. В её мышцах на данный момент малая доля лактозы.

При этих словах Анри вновь включил домашний кинотеатр. Гепард продолжил тяжёлое дыхание преодоленных примерно 400 метров. Газель грациозными прыжками ускочила прочь.

А на экране появилась следующая картина. Всё та же саванна. На этот раз пустынная, без единого живого существа, кроме двоих. Появилась и застыла. Анри нажал на «стоп».

– Перед вами тот же гепард, которого вы только что видели. Прошло шесть месяцев после неудачной охоты. Но, успокою вас, газель другая, другая. Не та, которая спаслась тогда, не та. Ну что, смотрим.

В большой клетке бесновался гепард. С каких-то пор кормили его неважно, а последние два дня во рту не было ничего. Гепард бесновался, и только прочная цепь удерживала его. Еда была рядом, но он не мог дотянуться до неё. От голода и бессилия затуманенный рассудок приводил его в бешенство. На другом конце большой клетки, вся дрожа от страха, прижалась к прутьям газель. Ещё немного и сердце не выдержит.

Но вот подошли хозяева планеты и открыли спасительную дверцу. Прочь отсюда, прочь от страшного места и как можно скорее.

Он смотрел на еду, резво удаляющуюся от него. Чем дальше, тем становилась она в его глазах всё меньше и меньше по размерам, пока не превратилась в крохотную точку. Вскоре и она исчезла, а вместе с ней и последняя надежда насытиться долгожданной едой. Он поник весь в тоске.

Но вот в клетку вошли хозяева планеты. Отвязали цепь. Он почувствовал это по тому, как спала тяжесть с его шеи, горла. Что на этот раз хотят они от него?

Его выводят из клетки и расступаются. С горьким сожалением смотрит он туда, куда умчалась его пища. Со страхом он смотрит на железную палку в руках двуного хозяина, что прикосновением своим заставляет падать весь в судорогах. Кто-то из хозяев планеты хлопает ладонью по спине, указывая туда, вперёд, куда и устремлены его желания. Это сигнал, и он рванул.

За 4 секунды он достигает скорости в 120 километров в час. Но и это не предел. На десятой секунде, достигнув максимальной скорости в 130 километров в час, он мчится за желанной пищей. Стремительные птицы – стрижи и ласточки, ему не конкуренты. За всю историю развития органической жизни ни одно живое существо планеты не достигало такой скорости. Фауна такого не знала. Тридцать прыжков, сорок, сто, двести, пятьсот..., за какую-то минуту позади два с лишним километра ровной саванны. А вот и она, долгожданная еда. Она, успокоившаяся было, почуяв опасность, и заметив его, пускается со всех ног. Но мчится за ней какое-то чудовище в облике злейшего врага-гепарда. Неимоверный по длине прыжок, и жадно клыки впиваются в шею.

2

Жан Копа и Отто Майер были удивлены, не то слово, поражены точно. Оба, хоть и не были зоологами, понимали суть увиденного.

Ему, Раймону Анри, позарез нужна была финансовая поддержка его проекта, и ему посоветовали именно его, Жана Копа. Убеждать, уговаривать пришлось всё-таки долго. При этом он постоянно твердил ему про необыкновенность проекта, про то, что они первые в этой области. Когда, наконец, получил согласие, и они подписали контракт, то тотчас же занялся он поисками специалиста, тренера. Искал также долго. Нашёл его в Германии, в восточной её части. А вот убеждать его, а тем более уговаривать пришлось недолго, так как он, тренер, был на тот период жизни безработным.

Приехав во Францию и приступив к работе, Майер не понимал, кого же он будет тренировать. Вместо этого он, бывало, целыми днями слонялся, а иногда объяснял этому Анри методику собственных тренировок. Его, Анри, интересовало буквально всё, вникал и постигал быстро. К удивлению своему он, Майер, в своё время долго вращавшийся в большом спорте, обнаружил, что у этого Анри большие знания в области биохимии. Кто же он по специальности? Вот этого Анри ему почему-то не говорил, и он не спрашивал. Неужели вся его работа заключается в том, чтобы только консультировать этого Анри?

– Что Вы думаете об этом? – наконец прервал тишину Анри.

– Да я-то вижу результат вашей работы. А вот что скажет Майер? – Жан Копа покосился на Отто Майера.

– Я думаю – на гепарде произвели эксперимент. Какой не знаю. Хотел бы узнать. Многое хотел бы узнать.

До этой поры Майеру действительно не говорили об истинном предназначении его присутствия. В контракте было обусловлено, что его пригласили в качестве тренера. Но вот кого и когда? Анри понимал Майера. Пока не нашедшего здесь, у них, применения своим знаниям.

Пора его вводить в курс дела, да и Жан Копа впервые сегодня увидел то, что долго он объяснял и доказывал ему. Но сначала он спросит об этом Майера, как тренера, как специалиста, ведь будучи студентом, он изучал такую дисциплину как биохимия.

– Что Вы думаете по поводу увиденного? – он ещё раз задал вопрос именно ему, Майеру, ибо Жан Копа знал суть события и, кажется, до сих пор не верил в её осуществление.

– На гепарде произвели эксперимент. Я так полагаю. И скорее всего это связано с фармакологией. Гепарду ввели какой-то допинг. Супердопинг. Таким образом ему повысили уровень выносливости, особенно её гликолитический уровень энергопотребления, – скорей в задумчивости проговорил Майер, на которого возможно, волнами нахлынула память о прошедшей молодости, когда он, может быть, и мечтал о такой функциональной сверхвозможности от своих учеников.

– Вы предполагаете, что в этом случае налицо химическое вмешательство, в частности Вы имеете в виду фармакологию, а вернее новый неизвестный допинг, – спросил Анри, как бы пытаясь выяснить его твёрдую позицию по этому поводу.

Английское слово допинг от глагола *dope* – давать наркотики. Фармакологические и другие средства, которые стимулируют центральную нервную систему, психофизическую активность, а также ускоренное, искусственное развитие мышц, выносливости. Ни больше, ни меньше. Употребив его, в каком-то компоненте становишься сильнее равного соперника.

Велосипедист, один из первых в истории большого спорта, применивший допинг, умер на самой дистанции. Он ввёл в организм стрихнин. Этот стрихнин, используемый для увеличения силы и скорости, повышает мышечный тонус до такой степени, что даже небольшая передозировка приводит к общей судороге, вызывающая нарушение кровоснабжения. Во время велогонки «Тур де Франс» на трассе скончался Том Симпсон. Он применил возбуждающий препарат – амфетамин. Смерть его произошла от паралича сердца, вызванного возбуждающим действием амфетамина. Велотрассу Олимпийских игр 1960 года в Риме постигла та же участь. Амфетамин.

Для Жана Копа, человека в принципе далёкого от большого спорта, все его рассуждения о допинге, могли казаться слишком уж научными, порой непонятными. Для Отто Майера, когда-то выступавшего в большом спорте, тем более в некогда существовавшей Восточной Германии, где в этом плане и по этой проблеме был большой опыт, все эти разъяснения Раймона Анри были даже очень понятны. И всё же он, Анри, старался объяснить суть как можно доходчиво именно для Жана Копа, спонсора проекта, невиданного проекта. А суть эту можно назвать допингом. Но каким?!

И он пустился в экскурс этой проблемы, этого проявления в спорте. Для начала были продемонстрированы две разные охоты одного и того же гепарда: прежнего, имеющего природные ресурсы и совершенно другого, преобразившегося, из спринтера превратившегося в суперспринтера, средневика и даже стайера. То была игра против природы.

Что так хорошо знает Майер, не знает Копа, только понаслышке слышавший про допинг, или читавший, или смотревший по телевидению скандалы, связанные с этим. Один только пример с Беном Джонсоном на сеульской Олимпиаде чего стоил.

В 1984 году в МОК медицинская комиссия определила 5 видов допинга:

Первый вид – психомоторные стимуляторы. Это – амфетамин, фенамин, первитин, кокаин, металамфетамин, бензфетамин и другие. Препараты этого вида вызывают чувство бодрости, прилив сил, подавляют утомление. По своему химическому строению они близки к адреналину – естественному стимулятору нервной системы.

Второй вид – симпатические амины. Усиление азотистых веществ организма, синтеза гормонов, витаминов. Это – эфедрин, корамин, ибогаин, метилэфедрин и другие.

Третий вид – разнообразные стимуляторы центральной нервной системы. Это никетамид, лентазол и другие.

Четвёртый вид – наркотические обезболивающие средства. Это – кодеин, героин, морфий и другие.

Пятый вид – анаболические стероидные препараты. Это – ретаболил, неробол, метандростенолон, феноболлин, эпитестерон, болдерон и другие. Тот же знаменитый станозолол, который не успел к Олимпиаде вывести из организма Бенджамин Джонсон, повлекший за собой дисквалификацию на несколько лет и сгубивший карьеру великого спринтера. Анаболические стероидные препараты повышают синтез белка в организме. Увеличивается масса скелетной мускулатуры и мышечная сила.

Что говорить там. Допинговые препараты суля успех имеют побочный эффект для организма, да ещё какой. Длительное применение анаболических гормонов влечёт у мужчин снижение половой функции; у женщин – бесплодие, выкидыш, уродства плода. Если естественные физиологические реакции предохраняют организм от перенапряжения, то допинги подавляют их. Отсюда невротические расстройства, острая сердечная недостаточность, возможный смертельный исход.

В 1962 году сессия МОК запретила приём допингов, а в 1967 ввела антидопинговый контроль на Олимпийских играх, в 1971 году создала службу допинг-контроля на национальных и международных соревнованиях. Впервые выборочный допинг-контроль провели в 1968 году на Олимпийских играх в Мехико.

После 1984 года стали выходить и за пределы этих пяти видов допинга. Пошёл в ход и так называемый кровавый допинг – гемотрансфузия. Перед соревнованием атлету длинных дистанционных видов спорта вливали свежую кровь, что значительно повышало его выносливость. Антидопинговым лабораториям пришлось бороться, в целом успешно, и с этим. Хотя, в начале были поражения.

Но и пространство генетики не оставили в стороне. Всё на алтарь победы.

Допинг и антидопинговый контроль. Две полярных стороны, два антагониста. С той и с другой стороны в ход пошла тяжёлая артиллерия – наука передовых достижений. Антидопинговый контроль включил всю мощь: идентификация и скрининг допинговых веществ в биосреде, химико-токсикологический анализ – спектрофотометрия в инфракрасной и ультрафиолетовой зоне, газовая хроматография, масспектрометрия и многое, многое другое. Но и не только. Медицинская комиссия МОК стала выезжать в страны между соревнованиями без предупреждения и брать допинг-пробы у ведущих атлетов мира. Борьба научных достижений обеих сторон шла в прошлом, идёт в настоящем, будет продолжаться в будущем. И это тоже можно отнести к высоким технологиям спорта высших достижений.

– Я предполагаю, в гепарда ввели супердопинг, позволяющий не только показывать феноменальный результат, но и на данный момент брать вверх над наукой антидопингового контроля. Я верно предполагаю? И всё-таки, что это за препарат? Что за химическое вещество? – в голосе Отто Майера выразалось чувство глубокого анализа, подкреплённое здоровым любопытством.

– И да, и нет, – этим коротким ответом Анри решил ещё более укрепить это чувство в Отто Майере.

– Ну, тогда что же? – уже с нетерпением спросил Майер.

– Нанотехнология внутри организма. Революция в эволюции, внесённая разумом, – последовал ответ, требующий подробного объяснения.

3

Нанотехнология. Нано – от греческого слова *nanos* – карлик. Карликовая технология. Вернее молекулярная технология, атомарная технология. Комбинация атомов.

На планетарном уровне такие громады как Гималайские горы, Анды, Тянь-Шань, Эльбрус, Килиманджаро, Альпы различимы невооружённым взглядом с Луны. И нанорельеф – карликовый рельеф: кучки образованные при рытье норы кротом, сусликом и другими мелкими грызунами; пахотные борозды; горки, созданные детскими ручонками на песочнице. С Луны разглядеть лишь в мощный телескоп.

Нанометр – миллиардная доля одного метра. Метр, разделённый на миллиард.

Растёт под ласковыми лучами солнца, напоенная живительной влагой дождя, бесчисленная флора планеты. Деревья, кустарники, мох, травы, фрукты, ягоды, овощи. Рождаются фауна планеты. Рождаются человек. Всё – явления, действие природы.

Нанотехнология – промышленность будущего. Выращивать холодильники, телевизоры, компьютеры, машины в процессе подражания природе, подражания биосфере планеты. Сырьё – Мировой океан, где растворены все химические элементы периодической системы Менделеева. Невероятное качество, невероятное количество.

Нанороботы, как инструмент нанотехнологии, пока не взяли старт на экспансию всего технологического пространства. Бионанороботы, направленные на выполнение функций организма; выведение их на новый уровень, синтезирование вещества на клеточном уровне; пока не взяли старт на экспансию всех лабораторных разработок. Тайна истины на горизонте лишь промелькнула размытым образом технологического призрака. Но с каждым временем она принимает ясные очертания, что будет различима и для глаз простого обывателя. И скинет ветер инновации величественную мантию тайны, и примерит она вполне конкретные одежды технологического прогресса. Какая модница будет она!?

– Это невероятно. Я понимаю это, – только и кивал согласно Отто Майер, когда Анри объяснял ему суть проведённого эксперимента.

У млекопитающих и у человека два вида мышечных волокон – «белые» и «красные». «Белые» мышцы млекопитающего делают мощную, взрывную работу, рассчитанную на короткое время. У спринтеров преобладание этих «белых» мышц. Нанороботы увеличили потенциал этих мышц у гепарда, но не только. «Красные» мышечные волокна работают длительное время, выражая такое качество как выносливость. Вот тут-то нанороботы повысили их эффективность во много раз. Наш гепард не только усилил свои спринтерские возможности, но и стал стайером.

Млекопитающие и человек имеют три механизма для выработки энергии. Это как три двигателя. Первый, креатинфосфатный механизм самый мощный. Работает до восьми, десяти секунд. Это – анаэробный, что означает бескислородный, механизм выработки энергии. Поставщик этой мощнейшей энергии (аденозин-трифосфорная кислота). Его используют спринтеры. На стометровке выносливости как таковой не требуется. Вдыхаемый кислород на дистанции только для дыхания. Интенсивно работают только конечности млекопитающего и человека. Дистанцию в 20-30 метров человек способен пробежать изо всех сил и вовсе с закрытым ртом. Не дыша. А что тут говорить о гепарде?

Второй механизм выработки энергии – гликолитический. Энергия выделяется из гликогена, что находится в мышцах, в печени. Срок действия две, три минуты. Это для человека. На этом двигателе бегут средние дистанции 800, 1500 метров. На длинной спринтерской дистанции он вспомогательное средство.

Третий механизм выработки энергии – аэробный, что означает кислородный. У него самая маленькая мощность, но срок действия несколько часов. Основной поставщик энергии – вдыхаемый кислород. Человек-бегун, человек стайер бежит дистанцию 3 километра и длиннее, включая марафон и сверхмарафон до 100 километров. А каковы в этом деле парнокопытные?

Человек-бегун на дистанции 5 километров бежит спокойно на аэробном механизме, а на последней стометровке включает креатинфосфат, или же за 300-400 метров включает гликолитическую энергию и мощно финиширует. Или вот другой пример. Человек-бегун на той же

дистанции на первых же метрах включил креатинфосфат, затем энергию из гликогена и далеко оторвался от всех. Оба энергоресурса отработались, в мышцах накопилась молочная кислота – лактоза, и наш человек-бегун не может поддерживать ранее взятый высокий темп. Скорость падает. Из-за такой неразумной тактики или схождение с дистанции, или последнее место.

Нанороботы повышают мощность, и главное, длительность всех трёх видов энергообеспечения. Наш гепард обеспечил себе стопроцентный успех, и тем самым стал абсолютным чемпионом планеты в одиночной охоте.

Но и это не всё. Простой в физиологическом отношении человек имеет несколько митохондрий на один квадратный сантиметр мышцы. Митохондрии – это такие органеллы, своего рода «энергетические станции» мышечных волокон. Кислород, находящийся в крови и движущийся по трубопроводам – венам, артериям, капиллярам, они, эти митохондрии, доставляют к мышцам. Пустите физиологически рядового человека на стайерскую, а тем более марафонскую дистанцию, то получите весьма жалкое зрелище. Эти несколько митохондрий на квадратный сантиметр не успевают подавать кислород к мышцам. А вот у человека-бегуна, человека-лыжника, человека-пловца, человека-конькобежца, одним словом у человека, обладателя особой, специализированной выносливости спорта высших достижений, эти митохондрии, особенно у мастеров высокого класса, достигают до двух-трёх тысяч на один квадратный сантиметр. Пока 5-6 митохондрий с трудом «в поте лица» стараются на своём квадратном сантиметре доставить ценный кислород этим изголодавшимся мышечным волокнам своего хозяина, то 2-3 тысячи митохондрий шустренько, «весело» подают кислород этим самым мышцам. Нанороботы произведут митохондрий в разы больше.

Максимальное потребление кислорода лёгкими, сердце, мышцы миокарда – всю их деятельность поднимают на порядок выше эти самые нанороботы.

Опять же наш гепард. С самого рождения в его генотип была заложена программа. Какова будет конституция тела, соотношение «белых» и «красных» мышечных волокон, строго определённое время для роста костей и, наконец самое главное, продолжительность жизни. Программа в генотип заложена раз и навсегда. Возможны некоторые её отклонения с учётом внешней среды и только. Конечно, вероятны схватка с противником, будь то леопард, лев или стая шакалов, или же пуля от оружия охотника, которые повлекут за собой тяжелейшую травму или смерть. Но это судьба – определение, не имеющее отношения к генотипу. У нашего гепарда исключительная судьба. Он – первый на планете. Никакие внезапные удары внешней среды ему не угрожают. Итак, нанороботы, действующие внутри организма, в сущности меняют его генотип. Они меняют его энергетику, его иммунитет, что в конечном счёте отразится на самой продолжительности жизни. Эксперимент не закончен, но можно быть полностью уверенным в том, что запрограммированная генотипом продолжительность жизни увеличится намного.

– Я вспоминаю фотографию во многих журналах мира, где очень сильный спринтер Серафино Антао из Кении, на беговой дорожке, на старте в низкой стойке и рядом с ним...

– Гепард, – нарушил тишину Отто Майер, образовавшемуся после монолога Анри. – Снимок сделан давно, ещё перед Олимпиадой в Токио. Всех поразило тогда возможное соперничество человека и самого быстрого зверя на планете. Весь мир обошёл этот снимок. Но что тот гепард, да и все гепарды по сравнению с ним, с вашим. Ваш гепард – это настоящий легкоатлетический монстр. И спринтер, и стайер.

– И заметьте, он единственный такой живой организм на планете, – не без удовольствия разделил с ним восхищение Анри.

– Но как я понимаю, вы пригласили меня, как тренера, готовить не этого гепарда. Мне кажется, ваш эксперимент пойдёт дальше, – хотел Майер высказать свою догадку, но решил подождать этого от Анри.

– Да, Вы правы. Эксперимент пойдёт дальше. На этот раз будет человек.

4

То, что он ожидал услышать – услышал. Значит, его предназначение в тренировке экспериментального человека. Ну что ж, он, даже не зная этого, дал согласие. Тем будет интересной работа.

Он прекрасно помнил те события. Падение печально знаменитой Берлинской стены. Радовался ли он этому? Конечно, чувства радости переполняли. Воссоединение в единую Германию. Хотя, когда существовала ГДР, он даже и не думал перебираться в ФРГ, как это пытались делать многие, кто-то успешно, кто-то нет.

У него была замечательная, интересная работа. В молодости, в пике спортивной карьеры, он дошёл до юниорской сборной ГДР в беге на стайерские дистанции. Затем травма. После этого, он уже, будучи взрослым, только был на подступах к национальной сборной. Рано закончил выступления в большом спорте, и рано началась тренерская деятельность. Работа интересная, и главное творческая. Какие времена! Под Потсдамом, под землёй целый спортивный городок. Настоящий полигон науки тренировок. Засекреченный даже от союзников по Варшавскому договору. В большом спорте они, политические союзники, были, прежде всего, соперниками. Всевозможные опыты над человеческим организмом для достижения результата. Там они пробовали, испытывали, тренировали. Чего стоила только одна аэродинамическая труба для легкоатлетов! Под землёй создавались искусственно условия для среднегорья, так как естественные на территории ГДР отсутствовали. Гора Фихтельберг в Тюрингенском лесу, высотой 1214 метров, этим условиям соответствовала не идеально. Искусственное снижение барометрического давления, гипоксическая гипоксия – кислородное голодание организма. Организм, адаптировавшись к таким экстремальным условиям, в привычной среде равнины показывал результаты намного превышающие прежние, ибо был богато насыщен гемоглобином.

Тогда ГДР с населением в 17 миллионов человек входила в первую тройку спортивных держав мира наряду с СССР и США, население которых превышало 200 миллионов человек по отдельности. По таким видам как плавание, конькобежный спорт, лёгкая атлетика ГДР оставляла позади этих, поистине спортивных исполинов. Что творилось в Восточной Германии после Олимпийских игр в Сараево в 1984 году. По числу олимпийских чемпионов оказались впереди всех. Даже такая политизированная газета как «Нойес Дойчланд», главный рупор Социалистической Единой партии Германии, захлёбываясь от восторга, писала о выдающихся достижениях восточногерманских олимпийцев, напрочь забыв всякую политкорректность. Мы впереди всех. А что об остальных газетах?

А потом пала Берлинская стена. Ветер перемен напрочь опрокинул её. Люди, полные счастья и радости, ринулись туда, в Западный Берлин, в другой мир. Заполонили улицы, площади. Он смотрел на всё это и не знал, радоваться ли вместе с абсолютным большинством или просто наблюдать и думать. Он не был коммунистом, социал-демократом, не входил ни в одну из пяти партий бывшей ГДР. То, что она стала бывшей, он не сомневался. Режим ГДР, как тогда говорили и сейчас говорят, предоставил ему работу, которую он любил и уходил в неё головой, не думая ни о какой политике, а только о тренировочном процессе и результатах спортивных достижений. Ну что ж, в единой стране, вместе с коллегами из Западной Германии они пойдут дальше к единой цели. Но не так-то просто оказалось, как думалось раньше. Печатные издания многих стран мира обошла такая карикатура, где мощный западногерманский «Мерседес» пристёгивает сбоку чахлую легковушку, символизирующую Восточную Германию. В объединённой стране сразу же началось расследование некоторых тренеров и спортсменов, обвинённых в применении допинга. Ими оказались представители только восточной Германии. Ни больше, ни меньше. Как будто во всём мире только они, и только они применяли допинг, а остальной мир не причём. Всемирно нашумевший скандал с великой прыгуньей в

длину Хайке Дрекслер один из примеров тому. И многие специалисты, и многие тренеры оказались оторваны от любимого дела. И потянулись они из бывшей ГДР во многие страны приложить свои силы и знания. Тем временем скромно, учась у всех и всему, без излишней на то гордыни, расцвела и встала во весь рост новая спортивная держава – Китай.

А он не уехал. От любимого дела был отстранён, как и многие. Пришлось искать работу. В последнее время занимался репетиторством, ибо когда-то для успешной деятельности по основной работе он обязан был хорошо знать биологию и органическую химию. Сколько продолжалось бы это, если бы не встретился Анри, предложивший ему выгодный контракт во Франции, и именно по его профессии.

– И кто же будет этот человек? – на этот раз задал вопрос Жан Копа, также весьма заинтересованный в этом, ибо он непосредственно финансировал этот проект.

– Я думаю, этот человек будет мальчик, притом мальчик как можно из бедной семьи, – Анри при этом посмотрел на обоих, как бы ожидая ответной реакции.

– Почему из бедной семьи? – продолжил расспрос Копа.

– Видите ли, во время эксперимента мы, прежде всего, будем опираться на выносливость организма. Направление нанороботов именно на развитие этого качества, что нам только что продемонстрировал наш гепард. А почему желательно из бедной семьи? По социологическим опросам, и по моему личному наблюдению дети из богатых семей в большинстве своём предпочитают такие виды спорта как большой теннис, фигурное катание, гольф, гонки на яхтах. Художественную гимнастику отбрасываю, так как ею занимаются исключительно девочки. Ну, а ребята из бедных семей? Им эти виды спорта просто недоступны в виду своей дороговизны. Только тренировки в этих видах спорта стоят денег, немалых денег. А они, эти ребята, из бедных семей, из бедных кварталов даже и не думают об этих видах спорта. Футбол, бокс, борьба, бег во всех его проявлениях. Вот где их надежды на обеспеченное будущее. Пеле, Вава, Гарринча, Марадона и многие, многие другие, вышедшие на уровень большого футбола и всего добившиеся, детство провели в бедных кварталах. Разве что Сократес, Криштиану Роналду не оттуда. Но таких явное меньшинство. Про бокс и говорить не надо. Ну, а бег? Абсолютное большинство спринтеров оттуда. А средневики и стайеры из Кении, Эфиопии, других африканских стран? Доступность в этих видах спорта на лучшую долю в жизни, вот что мы видим. Особо подстёгивать даже и не надо. Мотивация налицо. И ещё я хочу сказать, что мальчик нам нужен не из нашей страны, и вообще не из сытой Европы. Желательно из Южной Америки, Африки, Азии.

– А почему такое предпочтение? Хотя я догадываюсь.

– Да. Всё дело в мотивации. А это в нашем проекте имеет большое значение. И я хочу добавить ещё одно, несмотря на значимость нашего проекта в моей жизни, не хочу нарушать этических правил. Мальчик должен знать, на что идёт, а родители дать согласие.

– Аргументы эти меня вполне убеждают и устраивают. Но где именно хотите искать этого мальчика?

– Я хотел бы найти мальчика в стране, где нет серьёзных, можно сказать основательных легкоатлетических традиций.

– Но почему? – опять задался вопросом Жан Копа, но уже с изрядной долей удивления, которую разделил вместе с ним Майер, не вмешивающийся в этот диалог.

– Видите ли, я верю в эксперимент. Мне важен успех мальчика именно из такой страны, ибо это поднимает на высоту наш проект.

– Понимаю. Ну что я скажу – предложите страну, а я постараюсь помочь.

– Индия.

Пробравшись посреди тысяч кораблей, катеров и лодок, нашедших пристанище в одном из крупнейших портов мира, Мумбаи, огромный, ослепляющий красотой конструкции, лайнер, наконец, причалил. Солнца, как много солнца. После нескольких дней водного пространства они, Анри и Майер, ступили на индийскую землю.

Страна полная загадок, магии и мистики – Бхаратварша или кратко Бхарат на языке хинди, названная в честь легендарного героя Бхарата. В древности персы попадая по своим делам в эту страну, встречали на своём пути широкую реку, которую называли Хинд. От этой же реки они называли и всю страну – Хиндустан. У европейцев это – река Инд и сама страна Индия.

Его, Анри, Индия влекла не загадками мистики, оставшихся от прошлых веков. Он приехал сюда в поисках, но не какого-то необыкновенного чуда, способного поразить до глубины души и тронуть её струны. Он здесь с практической целью. Приехал в страну с населением в миллиард человек, которая без всякой помпы, но уверенной поступью вошла в первую десятку стран мира по экономическому валу. Вот такими экономическими гигантами предстают в начале нового тысячелетия два очага древнейших цивилизаций Китай и Индия. Страна эта, в которую он прибыл, влекла его всегда. Она для него олицетворяла собой, прежде всего, державу киноиндустрии. Увидев невероятное изобилие ярких тонов и ярких красок природы, kloкочущий вулкан темпераментов, лихо закрученных сюжетов, пронизывающих насквозь каждое детище этой индустрии, он, когда-то в детстве, решил, хоть раз, но побывать в стране, где создаются эти грёзы. Конечно, увидеть символ страны – Тадж-Махал, чарующий великолепием мавзолеем из белого мрамора, построенный императором Шах-Джаханом для любимой жены, было бы честью. А ведь, сколько чудес хранит в себе эта необыкновенная страна: Золотой храм в Амритсаре, храм в Ранганатхе, минарет Кутб-Минар в Дели, и там же девятиметровая, нержавеющая железная колонна начала пятого века, которую многие годы считали чуть ли не творением инопланетян, и многое, многое другое. Когда-нибудь да увидеть. Но главное сейчас то, зачем он приехал. От теории к практике.

Практика осуществилась на гепарде. Наука после опыта над животным по разумению и велению властелина планеты, короны которого он удостоился благодаря интенсивности развития мозга, когда-нибудь, да и оставляет место за человеком.

Майер понимал выбор Анри в пользу страны, не имеющей крепких легкоатлетических традиций. Именно в такой стране ему нужно подтверждение успешности эксперимента. Ведь миллионы лет эволюции гепарда никак не предусматривали развитие такого качества как выносливость. Самый быстрый спринтерский бег на планете – вот что самое главное для него. Ну, а если говорить про спортивную Индию, то, что он мог бы сказать. Действительно Индия никогда не могла похвастать великими легкоатлетами. Он знает только бегуна-марафонца Шивната Синха. Да. Его лучший результат на марафоне 2 часа 11 минут 59,4 секунды действительно международного уровня и достоин уважения. И всё же Индия не страна с достижениями по лёгкой атлетике. Ну, а какая же она?

В середине девятнадцатого века в Великобритании, в Англии, на родине многих видов спорта зародилась такая игра как хоккей на траве. В 1908 году его включили в программу Олимпийских игр в Лондоне. Конечно, как и предполагалось, чемпионами стали англичане. Но недолго длилось это господство. Эту игру как один из видов культуры они, англичане, привезли тогда ещё в колониальную Индию. Могли ли тогда предположить, что многократными чемпионами мира и Олимпийских игр, настоящей законодательницей мод станет именно Индия. Вот что он мог сказать про спортивную Индию. Ну, может быть ещё про древнюю индийскую борьбу ваджрамушти. И конечно про уникальные возможности организма йогов.

В первые дни пребывания в Мумбаи они только присматривались к так называемым кандидатам. Казалось, их достаточно в городе, входящем в первую десятку в мире по численности, но Анри не спешил, да и Майер тоже.

На седьмой день они поехали в Тромбей, город-спутник Бомбея. Город совсем не похожий на остальные города Индии. Широкие проспекты, чистота, современность архитектуры, корпуса заводов, и всё это утопают в яркой зелени тропических пальм. Атомный центр нарастающей по своей мощи страны. И опять же в центре внимания рабочие кварталы, которых не назовёшь бедными. Может здесь они найдут кандидата?

6

На стадионе, вмещающем не так уж много зрителей, на поле с изумительным травяным газоном играли в хоккей на траве. Нет, это не была официальная игра, где в команде по 11 человек и длительность каждого тайма по 35 минут. Шла двусторонняя игра, завершающая обычную тренировку. Играли юноши. На трибунах горячо болели за них зрители, в основном состоящие из мальчишек, грезящих мечтой попасть в местный клуб. Популярна эта игра в странах с жарким климатом: кроме Индии это – Пакистан, Марокко, Кения, Гана, Нигерия, Аргентина, Австралия и другие. Но если в Аргентине, Нигерии, Гане господствует его величество – футбол, то уж здесь хоккей на траве явно на самой вершине. Где так встретишь много зрителей на рядовой тренировке юниоров?

Не заметить их, иностранцев, было нельзя. И одеждой своей, и кожей, намного бледной, они сразу бросались в глаза. Появлением своим и присутствием они вызвали у зрителей не меньший интерес, чем сама двусторонняя игра. Возможно, их приняли за каких-то спортивных функционеров, скорее селекционеров, правда, необычных, иностранных. По всей видимости, тренера, высматривающие себе какое-нибудь юное дарование, здесь далеко не в диковинку. Игроки, хоть и увлечённые игрой, всё же заметили их. Игра пошла намного оживлённее, будто она была официальной, а не тренировочной. Они уселись рядом со зрителями. И если один из них, явно заинтересовавшись, стал пристально наблюдать за игрой, видимо внутренне отмечая те или иные достоинства и недостатки игроков, то другого, к удивлению рядом сидящих, события, происходящие на поле, а там они действительно стали интересными и даже очень, кажется, ничуть не интересовали. Он то и дело вертел головой, и разглядывал почему-то их, юных болельщиков.

- Отто, мне кажется он здесь, – шепнул Анри увлекшемуся игрой Майеру.
- Почему? – спросил тот, неохотно отрываясь от игры.
- Подсказывает внутреннее чутьё.

7

Не только мальчишек, но и местных тренеров, а их тоже было двое, заинтересовало неожиданное появление иностранцев. Тренера, селекционеры из разных клубов были, а вот иностранцы – нет.

- Мы хотели бы посмотреть на ребят, – обратился к ним на английском Анри.
- Пожалуйста. Вот они. Идёт двусторонняя игра, – один из тренеров указал на хоккеистов.
- Нет, нет. Мы хотим посмотреть на них, – Анри обвёл взглядом ребят-болельщиков.
- Мы можем организовать двустороннюю игру, – предложил другой.
- Да нет. Мы не по части хоккея на траве, но ваша помощь необходима. Не могли бы вы организовать нам бег, примерно, на километровую дистанцию. Я вижу, у вас вокруг этого изумительного поля неплохая беговая дорожка.

Предложение тренеров восприняли с удовольствием. Такого здесь никогда не было. Бег ведь тоже зрелище интересное. Пусть они из другого вида спорта, но всё равно от этого престиж местной юношеской команды повысится. Ведь эти мальчишки, как ни говори, а будущее

команды. При случае будет, чем козырнуть. Они тут же принялись отбирать, по их мнению, сильных ребят.

– Вы знаете, нам желательно участие всех, кто хочет. Оказавшихся в первой десятке ждут денежные призы, – заявление Анри хоть и вызвало удивление, но тренера охотно согласились на это.

И вот мальчишки гурьбой побежали по кругам в желании заполучить денежные призы, но ещё больше приглянуться этим иностранным селекционерам, в чём они нисколько не сомневались. Постепенно, после минуты бега, вся эта нестройная толпа бегущих мальчишек образовала длинную цепочку.

Майеру когда-то каждый день доводилось видеть бег у себя дома. Бег там, в секции лёгкой атлетики, и здесь отличались самым кардинальным образом. На данный момент он не видел бег в его понимании, в его восприятии. Перед ним было просто быстрое передвижение ногами, которое люди, далёкие от лёгкой атлетики, гордо именуют бегом. В природе, особенно парнокопытные, прекрасно усвоили красоту стайерского бега. Правильное расположение тела в унисон рациональности, экономичности, эффективности работы парных ног делает их бег поистине красивым и зрелищным. Человека же этому специально обучают в школе лёгкой атлетики. Сейчас же никто из этих мальчишек не бежал красиво, свободно размахисто, в прыжковой манере поднимая бедро маховой ноги. Бежали естественно, тяжело ступая чуть ли не всей стопой, а не передней, как того требует техника. Отсюда и было слышно глухое топанье ног. Специальная школа явно отсутствовала. Редко у кого были руки согнуты примерно под углом девяносто градусов, и главное не напряжены. Да, не было в беге этих мальчишек, здоровых по сути, но далёких от лёгкой атлетики, непринуждённого полёта, плавности линии движения. Только беспорядочный всплеск, барахтанье и брызги воды только начинающих плавать. Сравнение весьма подходило.

* * *

Вся эта несчастливая пора в его жизни началась со смертью отца. Разом на их семью навалились с горечью утраты признаки, неуклонно ведущие к бедноте. Нет, они не стали нищими, каких в стране ни много, ни мало, а примерно 400 миллионов человек. Они не вошли в это число, но прежняя, и как он считал, счастливая жизнь закончилась. Отец работал недалеко отсюда, в Таракуре, на первой в Индии электростанции. Как вечерами они ждали его, как он бегал на автобусную остановку встречать его. Никогда не забудет он тот день, когда им принесли эту страшную весть. Ведь только утром он уехал на работу. На трассе между Тромбеем и Таракуром случилась страшная автокатастрофа. Автобус столкнулся с тяжёлым грузовиком. Погибли люди, и среди них его отец. И вот тогда-то всё перевернулось в их жизни. Мать подменили. Разом померк для неё весь свет и жила она только для них, для него и младшей сестрёнки. А потом случилась эта проклятая болезнь. Неожиданно стали у него на руках появляться красные точки. Сначала он не обратил на них внимания. Но, когда он однажды снял штаны, то увидел, что ноги сплошь в этих красных точках. А потом началось. Сначала он не смог выпрямить правую ногу. Она как согнулась, так и не разгибалась. Он так и ходил хромяя. А потом случилось наоборот. Выпрямилась правая нога и стала как бы действующей, но зато перестала разгибаться левая. Захромал на другую ногу. С руками творилось то же самое. И правая рука, и левая рука не разгибались поочередно. Особенно много сыпи, было в локтевом и коленном суставах. Его госпитализировали. Оказалось, что у него болезнь Шенлейн Геноха – гемморогический васкулит. Стенки капилляров стали настолько слабы, что они местами лопались, и кровь через образовавшиеся дыры просачивалась под кожу, откуда и образовывалось красное гемморогическое высыпание. В больнице ему каждый день пришлось принимать очень сильный гормональный препарат – преднизолон, не считая остальных таблеток и поливита-

минов. Через месяц его выписали с массой запретов: нельзя принимать горячую ванну, перегреваться на солнце(и это в Индии-то), и что самое досадное и плохое, никаких физических нагрузок, а тем более тренировок. Прощай хоккей на траве, прощай мечта.

Вот так с тоской он смотрел на двустороннюю игру здоровых, радующихся жизни ребят чуть постарше его. Появление этих двоих он заметил сразу, также как и все. По всему видать иностранцы. Даже они пожаловали посмотреть на ребят, вон они как стараются. Но что это? Просмотр ребят помладше? Желание иностранцев? Один из них что-то объясняет тренерам. Так оно и есть. Наверное, отберут самых способных. Хотят посмотреть на всех кто пожелает? Соревноваться будут в беге? Что, первой десятке денежные призы? Такого никогда не было. Да и иностранцев никогда не было. А может попробовать? А если получится? Вот как обрадуется мать, да и сестрёнка тоже. К чёрту последствия болезни. Надо попробовать, нужно попробовать.

– Тебе же нельзя. Ты после такой болезни, – один из тренеров тут же охладил его внутренний пыл.

Ребята на старте приготовились. А у него так горько защемило сердце. А будь что будет. Он незаметно пристроился сзади. Наконец дали старт. Они побежали. С первых же секунд он из задних рядов стал протискиваться вперёд, обгоняя одного за другим. Все так резво взяли старт, что через минуту многие стали задыхаться от непривычного темпа бега. Он тоже оказался среди них. Нет, всё-таки он в первой десятке не будет. Впереди, не зная усталости, бежали крепкие, здоровые ребята. Даже за двадцатку зацепиться и то будет сложно. А вот и последствия болезни. Ноги, руки, тело давно уже не подчинялись воле, стали ослабевать. Раз за разом обходят его ребята, которых он оставил позади в начале забега. Сердце бешено колотится. Он пытается ртом, изо всех сил глотнуть воздуха в свои лёгкие. Как трудно это даётся. Ведь знал же. Все хотят приза. А самый большой приз – это внимание иностранцев! Неспроста они здесь. Им нужен талант. Только для какого вида спорта? Все они, бегущие мальчишки, хотят ухватиться за этот главный приз, может, самый главный в жизни. И он тоже хочет. Но, нет. Этот приз никогда не достанется ему. Он обречён. Болезнь эта навсегда поставила перед ним шлагбаум. Вот он приближается к тому месту, где стоят они и наблюдают за ловцами этого главного приза. Почему-то один из иностранцев смотрит ему в глаза. Что он увидит там? Боль, слабость, обречённость, горькую память о счастье при жизни отца, спасительный крик души за мать и сестрёнку. Нет, конечно, нет. Он ничего не знает, он ничего не увидит. А что же он увидел в глазах этого иностранца в эти доли секунды? Да что там. Какие мысли могут быть в этом бешеном темпе бега, в котором ты аутсайдер. Вот и пробежал мимо них. Дальше нет сил ни физических, ни духовных. Надо закончить это. Из внешне вялого, но внутренне измученного бега он перешёл на медленный шаг, и также медленно побрёл к скамейке. Жизнь как эта дистанция.

Понуро, опустив голову, он сидел на скамейке, и краем глаза видел радующихся ребят первой десятки, получающих призы. Завидовал ли он? Да, конечно, но спрячет это на самое дно души и никогда не вынет, ибо он завидует всем здоровым, потому что когда-то он был таким, как все, и ещё счастливым.

И также краем глаза он заметил, как к нему подходит один из этих иностранцев. Другой же иностранец, оба тренера, хоккеисты и ребята, только что отмахавшие километр, и все остальные на стадионе с долей удивления смотрят на это непонятное событие. Что же происходит?

– Как тебя зовут, парень? – присев перед ним на корточки и ,посмотрев ему в глаза спросил иностранец.

Да, это был тот иностранец, с которым он встретился взглядом. Во время бега, в котором задыхался как рыба, выброшенная из воды, он не то, что думать, анализировать, нормально

соображать не мог. Кажется, в этот миг стало до него доходить смысл его взгляда, который он уловил на доли секунды. Он что-то искал, а вот что – это так и останется загадкой.

– Раджи Рай, – ответил он тихо, без каких-либо оттенков эмоций.

– А ты не родственник Айшварии Рай? – уже с улыбкой спросил иностранец.

– Нет, – ответил он кратко и ясно.

* * *

Одним большим снежным комом, стремительно скатывающимся с горы, рванулись со старта мальчишки, желающие не только выиграть денежные призы, но прежде показать себя. Затем этот единый ком перешёл в широкую полноводную реку, а дальше всё тоньше и тоньше, пока не превратилась в длинный узенький ручеёк. Вот так это небывалое в здешних местах состязание по бегу расставляло участников по дистанции. Но не менее интересной была реакция этих двоих иностранцев. Один из них с явно скучающим видом смотрел на всё это, но всё-таки смотрел и особенно на лидирующую группу, у другого глаза так и горели. У него был явно повышенный интерес к этому забегу, и особенно к тем, кто еле семенил ногами. Вот это было непонятно, но и забавно.

Анри не покидало состояние того внутреннего чутья, что непременно сегодня найдётся кандидат. Он вглядывался в лица ребят, в глаза. Мимо, тяжело дыша, пробежала группа аутсайдеров. И вдруг его словно током пронзило. На доли секунды, глаза в глаза, он встретился взглядом, поразившим его. Бескрайнее, безбрежное море печали, скорби, страданий, в котором безнадежно тонет надежда. В глазах этих, во взгляде этом кричала душа. Но видно, что мальчик отважился на что-то. А именно на этот бег, что так тяжело даётся ему. Слабый организм, но какой дух! А ведь такой-то и нужен ему. Его внимание теперь было приковано только к нему. За круг до финиша мальчик сошёл с дистанции, и скорее из-за сил физических. Что-то не то с ним, и это он понимал.

Понуро, опустив голову, мальчик сидел на скамейке, когда он подходил к нему. Все присутствующие здесь с долей удивления смотрят на него. У всех на глазах происходит непонятное событие. Мальчик продолжает сидеть на скамейке, понуро опустив голову. Нет, он не будет разговаривать с ним стоя, и при этом смотреть на него как бы свысока. Он присел перед ним на корточки, чтобы глаза их были на одном уровне, и спросил:

– Как тебя зовут, парень?

– Раджи Рай, – ответил мальчик тихо, без каких-либо оттенков эмоций.

– А ты не родственник Айшварии Рай? – улыбнувшись спросил Анри, ибо тут же у него возник образ этой замечательной актрисы, к которой он испытывал симпатию, как и ко всем звёздам индийского кино.

– Нет, – ответил мальчик кратко и ясно.

– Ты будешь с нами сотрудничать? – вопрос Анри прозвучал мягким тоном умоляющей просьбы.

– Да, – также тихо ответил мальчик, но с долей твёрдости, в которой угадывалось, что его не надо упрашивать.

Его ответ Анри обрадовал. Ему везло, пока везло. Мальчик вполне подходил к тому идеалу для эксперимента, который сложился у него в последние годы.

– Этот мальчик недавно перенёс болезнь. Ему много чего нельзя, – услышал за спиной он голос, в тоне которого преобладало объяснение, разъяснение.

Говорил один из тренеров, вероятно хорошо знавший мальчика. Видать, все тут хорошо знают друг друга. Мальчишки молча кивали в знак согласия с тренером и смотрели ему в глаза. Он тут же перевёл взгляд на мальчика и в миг определил его состояние. Душа его, только что кончиками пальцев ухватившийся за выступ надежды на светлое будущее, сорвалась и летела

вниз, в пропасть горькой повседневности, из которой никогда не выбраться. Затем он опять посмотрел на мальчишек. В этой наступившей тишине глаза их просили, умоляли за него, за мальчика, ведь он, Раджи Рай, из их круга, из их числа. Все они, только что конкурировавшие на дистанции за место под солнцем, желали одного, чтобы фортуна, такая капризная по натуре, не изменила и не повернулась спиной к нему, парню из их улицы. Душой переживали они за него, желали счастья, так неожиданно подвернувшегося. «Ребята, вы просто золото!» – подумал Анри и спросил мальчика:

– А какую же ты болезнь перенёс?

– Геморрагический васкулит, – мальчик не заставил ждать с ответом, ввергшим его в удивление.

Да, в мальчике не было ни доли обидчивости, раздражительности, и самое главное, капризности. Он не надул нижнюю губу, выказывая этим какое-то недовольство. Ничуть. Нормальным тоном дал информацию ему, иностранцу.

– Я полностью ничего обещать не могу, но думаю, что болезнь останется в прошлом. Раз ты дал согласие – будем сотрудничать. Как? Потом объясню.

Родовались мальчишки, родовались хоккеисты, родовались тренера. На окраинах Тромбея такого никогда не бывало. Два иностранца шли в гости к Раджи.

– Анри, а ведь мальчик перенёс такую болезнь. Вправе ли мы так поступать? – спросил Майер, который не очень-то поддерживал эту идею с немощным, больным мальчиком.

– Вы знаете, Отто. Я до сих пор продолжаю бегать. Конечно, я не был таким бегуном как Вы. До сих пор я занимаюсь гирями, а ведь во Франции не очень развит этот вид. Зимой встаю на лыжи. Как видите, веду активный двигательный образ жизни. А ведь когда-то для меня всё это было под запретом. И знаете почему?

– Откуда мне знать.

– Я дважды в течение двух лет перенёс вот эту болезнь Шенлейн Геноха. С тех пор прошло двадцать восемь лет.

8

Другой лайнер, на этот раз воздушный, плавно пошёл на посадку в Ле-Бурже. Наконец, колёса шасси, мягко соприкоснувшись с бетонным покрытием взлётно-посадочной полосы, покатило его, с каждым метром убавляя ход.

Хоть и был разгар лета, но после изнывающей жары Тромбея прохлада ощущалась явно. Над Иль-де-Франс, на юго-западе, на высоте двух километров, образовались кучевые облака.

– Вовремя успели, – только и подумал Анри.

Их ждали. Подали «Пежо». Скоро, совсем скоро Раджи Рай увидит Париж. И вновь Анри посетили недавние воспоминания. Не мог без улыбки вспомнить, как был удивлён Майер, узнав, что он когда-то, притом дважды в течение короткого времени перенёс ту же болезнь, что и мальчик. Переболел это ладно, а то, что после этого он в течение двадцати восьми лет не знает про неё и физически активно двигается, как-то ему, Майеру не верилось. В таком восприятии новости ничего такого необычного, конечно, не было.

Мать Раджи, как и подобает в Азии, встретила их приветливо и гостеприимно. Кроме неё и дочери в доме находились ещё и родственники. Родственные связи в Азии очень сильны.

Не стал он, Анри, хитрить и лукавить. Сразу предложил матери Раджи солидный счёт в местном банке. И это пока в первоначальном варианте. Дальше это всё пойдёт в степени возрастающей. Не все индусы посвящают жизнь накоплению материального благополучия. Менталитет, нависший грузом от прошлых веков. Но не те индусы, поглощённые всецело в магию и мистику, доставшуюся от давних времён, поставили Индию в громадный рост, и она, стоявшая

у истоков человеческой цивилизации, вошла в первую десятку экономических держав мира. Не те. Такие как отец Раджи Рая трудом своим помогали этому взлёту.

Деньги деньгами, но горечь разлуки и болезнь сына удерживали мать Раджи. И вот тогда-то Анри пришлось немного совершить экскурс в своё прошлое, связанное с этой болезнью. Монолог его был не очень долгим, но и не кратким. Прежде он описал симптомы, предшествующие и сопровождающие эту болезнь. Они один в один сходились с тем, что перенёс Раджи Рай. Интерес матери, родственников, да и Отто Майера, был повышен. Анри как вчера вспомнил тот день, когда ему захотелось быть таким как все.

Соседкой у них была врач-терапевт. Она-то, на вопрос его матери о том, стоит ли её сыну вести активный двигательный образ жизни, дала утвердительный ответ. Это явилось тем самым толчком в изменении психологии, мировоззрения на эту болезнь. Ему захотелось исправить свой организм. Захотелось очень сильно, что желание так и проникло в сознание, в плоть, в кровь. Он зрительно представлял себя только здоровым человеком. И этот образ здоровья наряду с желанием также сильно проник в сознание, в самое сердце. Каждое утро он представлял в своём воображении, как тело напрочь забывает эту болезнь. Он шёл к этой цели осознанно. Венцом этих усилий явилось то, что активный двигательный образ жизни, неумное желание и направленное воображение пришли в полное согласие с организмом. Иммуитет поддержал в этом устремлении. И это явилось главным доводом того, что мать Раджи согласилась на эксперимент. Только взяли с неё согласие – сохранить это в тайне.

Издалека видна 58-этажная «супербашня» на Монпарнасе. Они въезжали в старый «Маленький Париж», в центр, окружённый кольцами «Большого Парижа». Там, позади, в «Большом Париже» основное сосредоточение заводов, фабрик, небоскрёбов. Но не они являются одним из украшений Европы.

Три столицы, претендующие на чемпионство мира по туризму – Рим, Мадрид, Париж. Старые камни Европы. Конечно, есть помимо них претенденты на это звание: Афины, Лондон, Флоренция, Венеция, Санкт-Петербург, Мюнхен и другие. Ну, а Париж... Кажется, все, кому доступны образование и культура, всё равно да побывали в этом чудесном, чарующем городе, если не физически, то духовно. Сколько книг, полотен, фильмов показавших Париж, давших прочувствовать Париж. Чего стоит один только символ – Эйфелева башня, конструкцией своей повторяющая бедровую кость человека. Потому она и прочна навеки.

Елисейские поля, Триумфальная арка, Собор Парижской богородицы, узкие улочки Монмартра, здание Юнеско. Волнующие душу старина и лихое вторжение современности, устремлённое в будущее – всё это Париж.

Анри незаметно наблюдал за Раджи. «Знает ли он величие этого города, богатую его историю»? – не раз задавал он себе такой вопрос. А Раджи рассматривал всё вокруг не без тени любопытства. Не знал он ни песен, ни стихов, ни легенд, ни фильмов об этом замечательном городе. Да знают ли про это ребята, босиком играющие в футбол, просыпающиеся с одной мыслью и мечтой о куске хлеба, о маленькой удаче, а если повезёт, то о каком-нибудь прорыве в жизни, пусть даже небольшом.

Вечером его представили Жану Копа. После краткого знакомства ему в руки вручили открытку с изображением гепарда. Чем-то он напоминал тигра, но был явно меньше по размерам. Такие в Индии не водятся. Анри дал полную характеристику этого животного, его возможности. Затем ему продемонстрировали ту самую видеосъёмку, ту самую охоту единственного млекопитающего на планете. Раджи изумила эта перемена в животном. Он понимал суть этого изменения, и понимал, что ему предстоит этот же путь. После просмотра Анри, на этот раз обращаясь к Раджи, изложил задачу эксперимента:

– Мы не вышли на уровень серийного производства нанороботов. Пока не вышли. Наша лаборатория делает первые шаги. Вот только что ты видел нашего гепарда. С ним ещё успеешь познакомиться. Для этого мы специально съездим в Африку. Так вот, на данный момент мы

располагаем всего одной капсулой. Второй по выпуску, так как первый... сам видел. В истории не раз бывало, что изобретатели, учёные не всегда первыми пользовались своими открытиями. Так было и с братьями Жозеф и Этьен Монгольфье. С незапамятных времён люди завидовали физическим возможностям птиц. Мечтали, как и они, подняться в воздух, ощутить себя птицей и с высоты птичьего полёта посмотреть на землю. Но не они поднялись первыми на своём воздушном шаре. 21 ноября в 1783 году здесь, в Париже, первыми в воздух поднялись Пилатр де Розье и Арланд. Тогда средства массовой информации как таковые отсутствовали. Ни радио, ни телевидения. Газеты, журналы только начинали свой путь. Да и сама планета была не до конца изучена. Человек тогда впервые оторвался от земли посредством изобретения. Через два века то же самое было у Королёва. После испытаний с собаками первым вырвался в космос Гагарин. Он первым преодолел земное притяжение. За минуту эта весть облетела все континенты. Всё это великие страницы в истории цивилизации. Можно ли сравнивать с ними наш эксперимент? Не знаю. Это уже не мне судить. Но ты будешь первым человеком, на котором испытывается нанотехнология.

Анри вложил в ладонь Раджи капсулу. Было ли это торжественным мигом или нет, осознавал ли это сам испытуемый или нет, но он спокойно проглотил капсулу.

9

Никогда не было у него, Отто Майера, такого ученика. Конечно, мальчик был худощав, не склонный к полноте, что в основном-то и требуется для бега на стайерские дистанции, да и в Индии ребят с такой конституцией явное большинство. Этот же мальчик перенёс такую болезнь, которая могла повториться в любой день. Но вдобавок к этому его необычный ученик не обладал спортивным талантом. Несмотря на конституцию тела вряд ли он соответствовал специфике данного вида спорта, которым собирался заняться. Всегда он, Отто Майер, придерживался высказывания Платона: «Нет двух людей, родившихся совершенно одинаковыми, каждый отличается от другого своими природными дарованиями». И ещё он придерживался высказывания испанского врача Хуана Уарте, написавшего в эпоху Ренессанса, а точнее в 1575 году, книгу о способностях, которое гласило: «Пусть каждый занимается только тем искусством, к которому он имеет природный дар, и откажется от всех остальных. Пусть никто не будет одновременно литейщиком и плотником, ибо человеческая природа не может одновременно хорошо делать два искусства или две науки». Он всегда был категорически против такого заявления американского педагога Вотсона как: «Дайте мне дюжину детей, и я сделаю из них всё, что захочу: врача, юриста, торговца, художника и даже вора».

В его бытность тренером в ещё тогдашней ГДР, к нему приходили ребята одарённые, с конституцией тела не склонную к полноте, но не такие уж совсем худощавые как Раджи Рай, ибо среди европейских детей таких найти трудно. Одарённость эта заключалась, прежде всего, в таких физических данных как максимальное потребление кислорода (МПК) лёгкими. Значению МПК для достижения спортивного результата для всех видов спорта дают пять оценок: отлично, очень хорошо, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно. В этой шкале к самой высокой оценке – отлично относятся такие виды: конькобежный спорт (от 3000 до 10000 метров), лыжные гонки, биатлон, триатлон, гребля, спортивная ходьба, велоспорт (шоссе), плавание (длинные дистанции), лёгкая атлетика (бег на длинные дистанции). Всех роднит одно – цикличность движений на выносливость. Ребята в его группе как на подбор соответствовали оценке отлично. Раджи Рай после медико-биологического обследования соответствовал оценке удовлетворительно. По всему видать, нанороботы в его организме дремлют, в ожидании начала тренировок. К тому же вот эта болезнь. И всё-таки, несмотря на то, что он недавно высказывался против этого, в принципе, больного мальчика, он был счастлив не меньше, чем сам Раджи Рай. Ему предстояла его любимая работа, в чём он сейчас нисколько не сомневался,

уж так сильны были впечатления от разительной перемены гепарда. Ожидание интересного и любопытного результата так довлело над ним, что он волновался не меньше самого создателя и вдохновителя этой идеи. Он вместе с Раджи Раем претворял в жизнь детище Раймона Анри – нанотехнологию в спорте.

Харизма Анри, его фанатичность к этому делу, постепенно передавалась и ему. Но с чего и как начать? Он поверил в могущество нанотехнологии, яркой иллюстрацией которому служил гепард. Все допинги мира не годились даже в подмётки этому достижению науки. Ведь нанороботы, по словам Анри, должны передаваться генетически. Они, уже войдя в организм, обозначились имплантатами. Не обошлось и без характеристик генетики как таковой. И был в этом вклад и в биофизику, и в биохимию. И значит это – допинг навсегда и в любое время суток. Только оправдает ли Раджи их надежды? Он не хотел, чтобы на дистанции бежал этаким мальчик-робот, у которого только мельтешение рук и ног. Анри утверждает, что эти первые нанороботы направлены на развитие выносливости, и в то же время он верит в их способность вылечить мальчика от болезни. В анатомии, биохимии они оба разбираются, можно сказать, на должном уровне. Он-то, Отто Майер, как профессиональный тренер обязан это знать, а вот он, Анри, до сих пор не сказал о своей истинной профессии. То, что он учёный – понятно, а вот какова специфика, направленность? Но это ладно. Выходит так, что нанороботы помимо развития выносливости, могут укрепить стенки капилляров, ликвидировать вот такую проницаемость. Из этого следует, что эти первые в мире нанороботы могут быть многофункциональными. Знает ли до конца Анри своё детище? А что если они помогут ему поставить технику бега мальчику посредством мышечной памяти, превалируя над сознанием. Конечно, он будет, как можно доходчивее, объяснять и показывать мальчику технику бега, подталкивать его к осознанному выполнению движений в заданной геометрической линии. Ну, а евклидовой геометрии подвластно всё трёхмерное пространство Вселенной. Конечно же, он начнёт, прежде всего, с техники бега. Техника – это краеугольный камень, можно сказать, венец любого вида спорта. Техника – это отличительная черта всех видов спорта.

Мальчик не обладал талантом. От мальчишек Тромбея, от тренеров они, Анри и Майер, знали о трагедии, произошедшей в его семье. В миг оборвалась счастливая, благополучная в духовном и материальном плане, жизнь.

Мальчик не обладал талантом. Все несчастья разом навалились на него. После такого потрясения и после такой болезни у него стал проявляться интровертивный характер. Он весь погрузился внутрь себя.

Мальчик не обладал талантом. Да. Было и такое, когда отворачивались от их семьи те, которые когда-то были, казалось, дружески расположены. Горечь обиды точила сердце. И вот тогда он стал тайком думать о счастливой звезде, где-то мерцающей, но затерянной в небе, которую безнадежно подпирала его тусклая жизнь.

Мальчик не обладал талантом. Но неожиданно в его жизни возник волшебник по имени Раймон Анри и дал ему шанс. Через боль, через страдания, через «не могу» он пойдёт к своей звезде. Он, Отто Майер, поможет ему в этом пути. Он прекрасно осознаёт о психологическом состоянии своего необычного, теперь уже необыкновенного ученика. В этом мальчике никогда не было избалованности, капризности, вседозволенности, да и сама жизнь не позволяла этого.

Он, Отто Маейер, несколько не сомневается в том, что мальчик будет «пахать». И всё же ему, мальчику, надо всё-таки, нужно полюбить бег, чтобы он получил от него удовольствие. Над этим он поработает. И появится скорость, и появятся силы, и появится соревновательный дух, и это будет. В этом должны помочь нанороботы, и он в это верил.

Так день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем он пестовал, ковал, лепил из него бегуна. Частенько на тренировках присутствовал Анри, иногда приходил Жан Копа. Казалось, они следили за чем-то сокровенным. Но так ли это? Он на нём применял все средства и методы для развития общей и специальной выносливости стайера: непрерывный равномерный и пере-

менный бег, повторный и интервальный метод, комбинированный метод. Предусмотрел всё: и объём тренировки, и километраж. Включал в тренировку фартлек на местности, что так нравился Раджи. Он, фартлек, вносил разнообразие в тренировки на беговой дорожке. Ещё в 30-х годах двадцатого века шведский тренер Гост Холмер разработал метод – фартлек, что со шведского означает «игра скоростей». Раджи бегал посреди деревьев и по широкому полю, перепрыгивал через ручейки и мчался дальше обозревать всё вокруг. Майер для этого то и дело менял местность. Он, этот индийский мальчик, видел воочию достаток и богатство передовой европейской страны. Для него тренировки в стиле фартлек на местности являлись одновременно как бы уроком географии на ограниченной французской местности. Мальчик то и дело с лихой скоростью взбегал на гору, то также спускался с неё. Скорости варьировались по его настроению. Он был весь в стихии бега. Фартлек в тренировки Майер включал только раз в неделю, остальное время – беговая дорожка стадиона. Но и здесь он «пахал» в поте лица. На одной из тренировок ему Майер сообщил одну новость:

– Раджи. Мы с тобой не просто тренируемся, мы с тобой готовимся к соревнованиям.

– Да, а к каким?

– Через полгода поедем к тебе домой. Мы выступим на первенстве города Тромбей среди школьников.

Ничего не ответил мальчик, но в глазах его загорелись искорки изумления. После этого его не надо было особо подгонять, подстёгивать. Мальчик рвался в бой. И даже порой ему приходилось сдерживать его.

И вот в эти дни его, Отто Майера, стала, то подсознательно, а то и осознанно, преследовать мысль неотступно и навязчиво: «Когда-то со мной было такое, когда-то было». И он попытался разобраться в самом себе: «Что происходит, откуда такая мысль»? В это время по дорожке мимо в равномерном темпе пробегал Раджи Рай. «Ах, вот оно что». – схватился за голову Майер. Когда-то он готовил ребят на первенство страны. Его ребята не раз попадали в юниорскую сборную. Сейчас же, в данный момент, оказывается, он тренирует спортивно одарённого, гениального мальчика.

10

На следующее утро, после того как накануне вечером принял капсулу с неизвестным содержимым, он ничего не почувствовал. Никакой перемены. А чтобы была она, нужно тренироваться. Любит ли он бег? Это раньше только до остановки встречать отца. Все они, когда бежали на стадионе в надежде попасть в первую десятку, чтобы выиграть денежные призы, относились к бегу с прохладцей. Хоккей на траве – вот это дело, а бег... так себе. Конечно, хотели приглянуться иностранцам, а для этого готовы были делать хоть что. Потому и лезли все из кожи вон. И почему им, а конкретно Анри, приглянулся именно он, сошедший с дистанции? Повезло. Удача повернулась к нему. У матери теперь солидный счёт в банке, а у сестрёнки будущее. Да ради этого он готов упасть замертво на беговой дорожке, но «пахать» в этом беге, к которому он особых симпатий не питает. Он стерпит всё. Вероятно, он нужен им, но это не оставляет места для расслабления, тем более самолюбования. Он стерпит всё. Он будет «пахать», ему есть за что «пахать», и ради кого «пахать».

* * *

Первый десант из капсулы номер один высадился на феноменально здоровый организм. Лучший спринтер планеты был молод и не знал болезней. Но ведь задача их десанта совсем иная, чем у владельца этого замечательного организма. И вот тут-то, в плане их задачи, организм этот оказался далеко не совершенен. Вместилище огромного количества «белых»

мышечных волокон, вобравших всю энергию для всплеска феноменальной резкости, быстроты, спринтерской скорости и совсем ничтожная доля выносливых «красных» мышечных волокон. Предстоит большая работа для поднятия их уровня до «белых». А количество митохондрий, этих «грузовых поездов» доставки кислорода? Их хватает мышцам на двадцать, тридцать секунд. А лёгкие? Тоже далеко не ушли. Уж очень мало литров кислорода в минуту качают они. А энергообеспечение? Такой же низкий уровень гликогена, а про аэробные возможности и говорить нечего. Только выраженный креатинфосфат.

Тем временем владельца этого организма усиленно тренировали. Эти двуногие бывало, сутками не кормили его и держали в закрытом пространстве. Затем в то же пространство заводили газель, трясущуюся от страха. Вот она еда. Он набрасывался на неё и больно ударялся о перегородку. Ох уж эти двуногие. А в свободных лапах, гордо именуемых руками, держали палку. Попробовал он одного проверить на смелость и сноровку, так тот выставил вперёд эту палку, после которой он долго лежал и не мог прийти в себя. Тело так и тряслось. Как всегда они выпускают газель из этого закрытого пространства под названием клетка. Скоро придёт и его черёд. Он мчится во весь опор, в надежде на организм, доставшегося ему от родителей. А газель далеко, далеко. А он голоден как никогда. И вокруг никого. И он бежит, бежит галопом. Резкое, отрывистое соприкосновение с последующим мгновенным толчком, словно невидимые пружины, вживлённые в мышцы. Вот он – эффект рекуперации мышц, работы накопленной механической энергии. Но совсем скоро он в изнеможении останавливается, не в силах продолжить погоню. Все «белые» мышцы в молочной кислоте. «Красные» ничтожно задействованы. Сколько энергии затрачено. Когда восстановиться? Вот подходят и они, двуногие. Кидают кусок мяса. Куда подевалась гордость хищника, одинокого охотника? А что поделаешь? И снова из раза в раз повторяется это. И с каждым разом он пробегает всё дальше и дальше.

Команда из капсулы номер два десантировалась на несовершенный организм. Первоочередная задача – найти и устранить имеющиеся неполадки. И они бросились на поиски. Долго искать не пришлось. Хрупкие стенки капилляров. Они склонны к проницаемости. Это может повториться вновь. И тогда они взялись за дело, и пошла работа, и началась капилляротерапия.

* * *

Тренер, Отто Майер, отнёсся к нему благожелательно, и даже, как-то по-отечески. Такое же расположение он ощущал и со стороны Анри, того самого, который посмотрел ему в глаза во время того забега и выделил его из всей толпы ребят. Жан Копа продолжал присматриваться к нему пристально и внимательно. Ему же оставалось только не подвести их.

Раз за разом пошли тренировки. Тяжёлые, порой монотонные. Это не в хоккей на траве играть. Там азарт, там удовольствие, а тут..., но он согласился, он шёл к этому сознательно, да и жизнь заставила. Бесконечный бег с приподниманием колена, с захлёстыванием голени. Бесконечное пробегание одного и того же отрезка в строго определённом темпе. После этого постоянная пульсометрия. Отто Майер объяснял ему всё, что он проделывал. Прыжки на одной ноге, с последующей заменой на другую в строго определённом темпе под музыку, для развития локальной мышечной выносливости. И многое, многое.

На первых порах какой-то отдушиной являлся фартлек. Он бегал посреди деревьев, мимо широких полей, задорно перепрыгивал через ручейки, журчанием своим словно приветствовавших его. Он, то с лихой скоростью взбегал на гору, то также спускался с неё. Каждая тренировка в стиле фартлек и новая местность. Он бежал и обозревал всё вокруг. Конечно, здесь не было такого буйства красок как в Индии, но он видел, он ощущал достаток и богатство передовой европейской страны. Всегда тренер давал ему плеер, и он на бегу окунался в родные мелодии индийской музыки, индийских песен. Он играл в бег.

Проходили дни, недели, и он к удивлению своему заметил, что тяжёлые, даже монотонные тренировки стали в радость. Тело жадными глотками пило нагрузки как выдержанное, игристое вино. Чем дальше, тем больше тренировки засасывали его организм как сильный наркотик. А когда тренер давал ему день отдыха, то тело его, как жаждущий в пустыне, ждало начало минуты новой тренировки. Не заметил когда же, но уловил про себя, что бежит он правильно, по всем канонам техники стайерского бега. Он становился легкоатлетом, и это многое означало. Любимый хоккей на траве отходил на задний план, уступая место новому увлечению, новой любви. А когда тренер сообщил о предстоящих соревнованиях, да ещё в его родном Тромбее, он изумился. Теперь тренировки приобретали особый смысл. Азарт, рвение перехлёстывали через край, что Майер порой сдерживал его. Но интуиция подсказывала ему, что в родном городе он удивит. В этом он не сомневался, ибо напрочь забыл про болезнь. Конечно, он не имел медицинского образования и не знал, что у него увеличилась капилляризация мышечных волокон. Его кровь, обогащённая кислородом и энергетическими субстратами, полно и эффективно обеспечивает мышцы этим драгоценным «топливом». Он не знал, что с каждым разом крепнет его опорно-двигательный аппарат и мышечная система. И вот однажды к нему обратился Раймон Анри:

– Раджи, скоро нам пора в Африку. У тебя будет встреча, можно сказать, с товарищем, братом по обстоятельству. Ты увидишь того самого гепарда.

* * *

После ярко-красочных великанов, каковыми являются Мумбаи и Париж, столица Ботсваны – Габороне казался таким невзрачным карликом, хотя проблески современной архитектурной среды проглядывались и здесь. Страна, вне зависимости от богатства или бедности, всегда интересна своей самобытностью. Таковой оказалась и Ботсвана, занимающая полностью впадину Калахари. И река Калахари оказалась своеобразной по своей необыкновенности. Она не впадает ни в океан, ни в море, ни в озеро. Внутренний сток. Здесь также не царствует буйство красок как на его родине. Саванна и опустыненная саванна.

Цель их приезда была не на севере страны, в национальном парке, в Окаванго, где господствуют солёные болота, и где пёстрая разновидность мира животного, охраняемая законом. Они направились на юг, в сухую саванну, в частное владение под патронажем фирмы Жана Копы.

Он, уединённый от всех, шёл размеренно, мягкой поступью, весь в невидимых пружинах, готовых в любой миг выдать разряд невиданной энергии. Доходило ли до сознания его, что обладает он телом силы немереной, феноменальной, созданной по прихоти интеллекта властелина планеты? Нет и ещё раз нет. Слепая сила, повинующаяся природе хищника. Но какая революция нанотехнологии!

Они на миг встретились взглядами – два разных биологических вида, но два брата по обстоятельству. Подозревает ли он, гепард, об этом. И если в глазах мальчика пылали огни любопытства и какой-то трепетной нежности, то глаза хищника выражали полное равнодушие. «Вы, оба, одни такие на планете». – тихо на ухо ему шепнул Анри. Их отделяла изгородь. Необыкновенный гепард, мягкой, пружинистой поступью, прошёл мимо необыкновенного мальчика.

Отсюда, на личном самолёте Жана Копы, на северо-восток через Индийский океан, они направились в Тромбей. Надвигались события не менее интересные.

В Индии любят состязания. И хотя в мире спорта индийцы добиваются успехов в основном в хоккее на траве, но состязания, будоражащие кровь, любят все. Построй в любом крупном городе двухсоттысячный стадион, и будет там играть сборная Индии по футболу, по тому же хоккею на траве, и сделай доступными цены на билеты, то стадион будет заполнен до отказа, и много желающих при этом останутся за её пределами.

О, земля, подарившая миру шахматы! Пусть будет у тебя много таких ребят как Видшванат Ананд!

В Индии любят зрелище. Будь это представление уличных циркачей, феноменальные достижения йогов или танец кобры под чарующую музыку флейты. Змеи глухи от природы, но заморожено следят за движениями рук заклинателя. И, кажется, нет более очарованного любителя музыки, чем эта кобра волнистых движений.

Анри и Жан Копа сидели в пятом ряду, рядом с матерью и сестрой Раджи. Мать его после смерти мужа никогда не была счастлива как в эти дни. Сын её вернулся из далёких краёв, но материнским чутьём поняла она, что он, самое главное, здоров и избавился от болезни. Сердце её безошибочно поставило этот диагноз, ибо он, Раджи, из чахлого кустарника превращался в цветущее дерево. А вот как он бегают, этого она действительно не знала, и это ей предстоит узнать сегодня. И окунулась мать в этот трепетный миг ожидания. Но и не только она.

А тем временем первенство Тромбея по лёгкой атлетике набирало полный ход. Прыгали в длину и в высоту, метали ядро, молот и диск, и бегали. Спортивной ходьбы почему-то не было. Шум на трибунах то нарастал, то утихал. В основном это были мальчишки и девчонки школ города. Были и взрослые, много взрослых. Каждый болел за свою команду. В Индии соревнования любого ранга не становятся какой-то дежурной галочкой. Соревнования – это праздник.

В углу стадиона, подальше от спортивных баталий, под руководством Майера разминался Раджи. На них никто внимания не обращал, кроме четверых зрителей из пятого ряда. Тренера и преподаватели физкультуры вместе со своими воспитанниками были целиком в пылу борьбы. Если бы кто-то посмотрел на Раджи, то наверняка заметил бы на необычность разминки Раджи. Школа Майера чувствовалась во всём. А Майер иногда поглядывал на то, что происходило на стадионе и, морщился, как морщится человек от неприятного запаха, но виду при этом старался не подавать, хотя это у него не очень получалось. А зрителям было не до него. На стадионе то и дело на хинди и английском объявляли результаты. Майер каждое объявление встречал покачиванием головой. С какой бы радостью он заткнул уши ватой. У победителя на 100 метров 11,9 секунды. Ну что это за результат в 16-17 лет?! Настоящий спринтер должен бежать в эти годы в районе одиннадцати секунд. А вон тот парень прыгнул в длину на 5 метров 68 сантиметров и выиграл. Да у них в команде все юноши без исключения прыгали в это время за 6 метров 50 сантиметров. Да. Где эта команда? Лучше не вспоминать. А в высоту? Прыгнуть на 1 метр 70 сантиметров и выиграть? В легкоатлетических странах ребята в таком возрасте берут два метра и выше. И только один результат заставил его встрепенуться. У победителя на 400 метров 52,7 секунды. Жаль, не видел бег. Стоит посмотреть на парня. Победитель не выглядел стройным атлетом. Ростом подходил. Высокий, но немного сухопарый. Спринтерские задатки ощущались. Отменное здоровье также. Поработать надо над физической силой в виде нарастания мышечной массы и, конечно, над спринтерской выносливостью. Ох уж эта дистанция. Наверное, самая тяжёлая. А разве лёгкие бывают? А какова его техника? Жаль, не видел этот забег. Ну, да ладно. Его ждёт его прямое дело. Сколько лет не занимался им.

– Раймон, посмотрите на Майера. Как будто ему вместо бургундского подали дешёвое пойло, – смеялся Жан Копа над каждой его реакцией.

– У него когда-то был другой уровень. Но, всё же, он вернулся в родную стихию. А ученик у него..., будем ждать, – также в ответ рассмеялся Анри.

Оба прекрасно понимали душевное состояние Майера. Он был как птица, выпущенная из клетки и почувствовавшая свободный полёт, порыв свежего ветра и обозрение земли с высоты. Пусть не тот уровень, но тот, же, огонь в душе.

Все участники соревнования на два, три года старше Раджи. Майер понимал это. В физическом плане его ученик готов вполне. Его беспокоило другое. На соревнованиях бывает так, что психический компонент выдвигается на первую роль. В настоящем случае над его учеником будет довлеть подростковое сознание о разнице в возрасте. И это существенный фактор, который нельзя не учитывать. «Хорошо, что ему не выходить на ринг, или на борцовский ковёр, или на татами. Хорошо, что он не бежит спринтерскую дистанцию. Пять тысяч метров. Есть время осмотреться и подумать». – старался успокоить себя Майер, которого волнение стало охватывать как в прежние времена. Да. Он старался ввести своего ученика в оптимальное боевое состояние. Да. Он накануне вводил своего ученика в умственную и психическую готовность. Дошло ли это всё до его сердца?

Майер подошёл к беговой дорожке и потрогал покрытие. Оно оказалось из тартана. «На нём можно показать результат». – подумал он. Покрытие имело значение. Тартан, рекортан, грастекс, акус, резиспорт, спортан, апу-флекс-спринт. Её величество химия! Научно-технические достижения во имя спорта и результата.

Ребята также были одеты соответственно. В Тромбее, на родине индийского атома, в одном из символов научно-технического прогресса страны, хорошие магазины спортивных товаров. Конечно, не на всех были шиповки «Карху», «Адидас», «Найк», «Пума», «Рибок». В плане экипировки Раджи выглядел не хуже, а может лучше.

Итак, тартановая дорожка – детище мексиканского инженера Хименеса. Резина с вулканическим пеплом. До сих пор идут споры специалистов вокруг одного результата. В 1936 году на одиннадцатых Олимпийских играх в Берлине легендарный Джесси Оуэнс на дистанции 100 метров победил с результатом 10,2 секунды. Феноменальный по тем временам. Он и сейчас показатель международного класса. Бежал он тогда по гаревой дорожке, в примитивных по нынешним меркам шиповках. А если бы он бежал по современному покрытию? А если бы у него были современные шиповки сшитые гиперглассовыми нитками, с надёжным сцеплением подошвы, поглощающие удары, пружинящие при соприкосновении с покрытием? А если бы у него была за плечами современная методика тренировки спринтеров? Разменял бы он десятку? Вот в этом спор. Каждому своё в неумолимом течении реки-времени.

Майер чутьём своим тренерским чувствовал состояние Раджи. Да. Весь отлично проведённый тренировочный период, отличная физическая форма пойдут насмарку без сильной, поставленной психологии. До старта остались считанные минуты. Майер подошёл к нему и тихо сказал:

– Вспомни отца. Беги за мать, за сестрёнку.

12

Азарт, душевные переживания, эмоции болельщиков сцепившись в единый клубок, невидимыми волнами биорадиационного излучения накатывались на беговую дорожку. Они подхлестывали, гнали участников ещё до старта. А те, то ли подгоняемые этими волнами, то ли в преддверии предстоящего состязания, скачками, вприпрыжку подбегали к стартовой отметке и продолжали там потихоньку, то прыгать с ноги на ногу, то проводить лёгкие разминочные упражнения.

Среди всех участников состязания его не заметить нельзя было. Он шёл как-то тихо, медленно, словно к зубному врачу или к директору школы получать крепкий нагоняй. Какой там лёгкий бег и разминка! Какая там игра на публику! Шёл к старту как отверженный. «Да что с ним такое? Может, нанороботы так действуют? Вот эта самая нанотехнология? Человек

и гепард по организму хоть и млекопитающие, но всё-таки не одно и то же. Совсем разная психика. У человека интеллект. Ах, всё-таки дело в психологии! Всё дело в ней. Эх, Раджи, Раджи». – мысли обгоняя друг друга так и проносились в голове Майера. Он невольно посмотрел на Анри. Тот сидел неподвижно, бледный, пальцами сцепившись о край угла трибуны. Огоньки тревоги зажглись в глазах матери и передались сестрёнке. Только Жан Копа оставался невозмутим. Не прочитав души, не разгадать. А что до остальных зрителей, то взору их открылся робкий, неуверенный в своих силах, мальчик. И зачем он решился на этот тяжёлый забег в пять километров?

Раджи тем временем как-то доковылял до стартовой отметки и скромно, даже застенчиво, пристроился в третьем ряду, как бы в ожидании чего-то грустного и тяжёлого. Волнение матери, волнение сестрёнки перехлестнули через край. И Майер, и Анри в этом плане не отставали от них. Кажется, ни один участник во всех дисциплинах не вёл себя так робко, как он. Будто водрузился тяжело на эшафот. Жалкое зрелище, да и только.

Наконец выстрел стартового пистолета хлопнушкой возвестил о начале старта, будто положив конец утомительному ожиданию. Девятнадцать молодых ребят, не так стремительно как спринтеры, но рванулись с места, полные решимости и амбиций в погоне за лаврами чемпиона, за наградой материальной и не только. Среди них был и Раджи.

Пять километров, пять тысяч метров, двенадцать с половиной кругов на стандартном легкоатлетическом стадионе. Двенадцать раз он будет пробегать мимо матери и сестрёнки, мимо тренера, мимо учёного, мимо спонсора проекта, мимо своих болельщиков, мальчишек его улицы.

* * *

Надвигались события предвещающие напряжённость. Быстрое сокращение миокарда сопровождалось без никакого активного двигательного процесса организма. Сигнал, толкающий к этому действию, поступал отсюда, из коры больших полушарий, этакого слоя серого вещества, куда их деятельность не распространялась. Это неизвестное вещество, по связи центральной нервной системы, почему-то заставляло без всякой на то нужды интенсивно работать миокард. (Понятие – волнение, психоэмоциональное состояние им было незнакомо). Мясо, кости, кровь плюс кислород, поступающий извне. Вот оно – пространство материи, пространство деятельности.

И вот она – напряжённость! В лёгкие всё чаще и чаще поступает кислород – газ без цвета, запаха и вкуса. Источник жизни! Организм стал больше получать необходимую для жизни энергию за счёт биохимического окисления различных веществ этим химическим элементом с атомным номером 8 в таблице Менделеева. Одна часть их команды в спешном порядке кинулась на помощь лёгким. Здесь шла всю работу. Кислород воздуха переходил в кровь, а двуокись углерода в воздух.

Дружная команда рассредоточилась по всему организму. Реагирование на событие как электрический ток пронеслось мгновенно. Вот одни устремились на помощь миокарду. Тот на этот раз с пользой и усиленно включился в работу в унисон с организмом. Совершеннейший природный двигатель мощными точками гнал горячее – кровь по всему организму.

Мышцы всё сильнее и сильнее сокращаются под влиянием нервных импульсов. Отдел управления, находящийся там, наверху, в загадочной коре больших полушарий, в загадочном слое серого вещества неустанно и непрерывно даёт приказы сокращаться мышцам. Раньше отдел управления во взаимодействии с мышцами конструировал линию движения. Теперь же в этом отпала нужда. В мышцах сидит крепкая память. А в тканях мышечной системы химическая энергия непрерывно превращается в механическую и тепловую. Волшебная машина! Их же задача – усилить эффективность.

Удлинён срок действия гликолитического механизма, работающего пока в малую силу. Максимальное потребление кислорода, дыхание, лёгкие, аэробный принцип энергообеспечения – вот что задействованы в первую очередь. Гликоген подождёт. Удлинён срок действия креатинфосфата – мощного, спринтерского энергетического вещества в клетках мышц. Он дремлет. Креатинфосфат подождёт.

Вперёд, вперёд митохондрии – органеллы, несущие в себе энергию и питающие клетки мышц. В вас протекают окислительно-восстановительные реакции. Когда высадили десант, их – митохондрий насчитывалось несколько на один квадратный сантиметр, а сейчас их за тысячу. Простые, нетренированные люди имеют несколько митохондрий на квадратный сантиметр, а бегуны-стайеры международного класса две, три тысячи митохондрий. Эти «энергетические ангары» мышечных волокон увеличиваются посредством тренировок.

Работа кипела независимо от того, давал приказы отдел управления или нет. Они будут делать всё для блага обладателя этого организма. А напряжение нарастает и нарастает.

* * *

Среди всех участников забега его не заметить нельзя было. Он отличался от всех, прежде всего, техникой. Сказывалась школа профессионала в своём деле. Его тренер родился и вырос в стране, некогда уважаемой в мире бега. Никто не обладал такой техникой, какой обладал Раджи. Он бежал, сильно согнув руки в локтевых суставах, да так что кисти соприкасались грудных мышц. Руки выполняли не только функцию поддержания равновесия, но становились ведущими, а ноги, несущие тело по дистанции, становились ведомыми. Знающий бег знает: чем чаще работают руки, тем чаще начинают работать ноги. Спринтеры сталкиваются с этим постоянно. У его собрата – необыкновенного гепарда именно передние лапы начинают движение, сам феноменальный бег на планете. Угол сгибания рук в локтевых суставах невелик. Майер учил этому дотошно и скрупулёзно. Минимум затраченной энергии.

Раджи отлично «садился» на опорную ногу. При этом она сильно сгибалась в голеностопном суставе и «заряжалась» как настоящая пружина. Опускающейся маховой ногой он как бы «захватывал» беговую дорожку. Она вытягивалась вперёд-вниз и почти выпрямлялась. Первой приземлялась пятка и снижала ударные нагрузки. Это – стайерский бег. У спринтеров приземление маховой ноги на носки. Среди всех участников забега его не заметить нельзя было. И его заметили. В воздух взвился и витал пьянящий запах интриги.

После двух кругов тесная толкучка преобразовывалась в цепочку, которая стала постепенно удлиняться. В третьем кругу Раджи из задних рядов стал пробираться в середину. Не раз Майер рассказывал ему про один эксперимент учёных: «Мимоза – это такое растение. Она не растёт в Индии. Мимоза – это кустарники, деревья, лианы, травы. Всего их пятьсот видов. Около того. Растут в тропиках и субтропиках Америки. На Черноморском побережье Кавказа мимозой называют серебристую акацию. Есть один вид, обладающий необычной способностью. Если прикоснуться к нему, то он начинает сжиматься. Тогда учёные подвесили груз и стали регулярно прикасаться к нему. Через три месяца обследовали. Оказалось, что сократительная способность этого вида мимозы увеличилась в четыреста раз. Попросту говоря – сила увеличилась в четыреста раз. Любой живой организм через тренировки меняется в качественную сторону». Слова его на его примере подтвердились очень быстро. Он ощущал это. Но ему казалось и до сих пор кажется, что организм его принадлежит не только ему. Он тренировался самозабвенно, но в одиночестве. Никакого контакта. В плане психики он тренировался в комфортной, уютной, домашней обстановке. Первое соревнование и сразу его бросили в бой, как не умеющего плавать кидают в воду. Конечно, он вместе с тренером часто смотрел на видео различные соревнования по лёгкой атлетике. Вместе изучали кинограмму бега больших мастеров. Майер старался всеми способами внушить ему уверенность и самообладание. Но

что слова... По прибытии на стадион всё это улетучилось куда-то. Парни постарше и ростом повыше весело разминались. В каждом из них чувствовалась какая-то сила, а самое главное опыт. Сердце его заколотилось. Неужели ему придётся состязаться с ними. Да. В тот раз он с какой-то надеждой побежал на километр. Но там были свои ребята, друзья, которых он знает с детства. А здесь... В Тромбее есть школа лёгкой атлетики. Конечно, по популярности этому виду спорта далеко до хоккея на траве, и всё же. А парни эти никаким вниманием не удостоили его. Да кто он такой-то. Видать, они знают друг друга очень хорошо, и опасаются друг друга. А его страх перед поражением, а значит перед позором, как он считал, стал пробираться насквозь. К тому же он боялся подвести и тренера, и Анри, и Копа. Они предоставили ему все условия, они в него верят, особенно Анри. А мать с сестрёнкой, а друзья?... До старта оставались считанные минуты. Майер подошёл к нему и тихо сказал: «Вспомни отца. Беги за мать, за сестрёнку». Слова его пронзили как ток. Его семья, пусть и неполная, была здесь. Самое сокровенное. И это навсегда в его сердце. Да что он раскис? Ведь хватило же тогда смелости, будучи больным, бежать перед неизвестными иностранцами. Сейчас он снова дома. За него болеют. Те неизвестные иностранцы теперь его друзья. Они тоже переживают за него. Он пошёл к старту. И вдруг он почувствовал то, что никогда не чувствовал. Руки, ноги, тело яростно просились в бег. Были бы крылья, то он наверняка взлетел бы. Они умоляли, они просили об этом мозг, сердце, душу. Как будто организм принадлежит не только ему. Надо сдержаться до поры, до времени. Он шёл как-то тихо, медленно. Со стороны могло показаться, что он идёт к зубному врачу или к директору школы получать крепкий нагоняй. Так он дошёл до стартовой отметки и скромно, даже застенчиво, пристроился в третьем ряду. Будто водрузился тяжело на эшафот. Всей кожей своей он чувствовал состояние тех, кто за него болеет. А организм непонятным образом бурлил. Надо сдержаться до поры, до времени. После двух кругов тесная толкучка преобразовывалась в цепочку, которая стала постепенно удлиняться. В третьем кругу Раджи из задних рядов пробрался в середину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.